

борьбы. Значит, близкое к зрителю размещение изображений князя Федора с сыновьями могло служить верным напоминанием людям и об измене Курбского, и о широко распространявшемся в те годы «кусательном» послании Грозного. Небезынтересно вспомнить, что это первое письмо перебежчику (от 5 июля 1564 г.), по определению А. А. Зимина, было своеобразным «манифестом», всем своим содержанием предвещавшим Опричнину, а побег Курбского, совершенный в начале того же года, сыграл роль ускорителя в проведении задуманных опричных реформ.⁵² Таким образом, выделение князя Федора с сыновьями в стенописи царского некрополя, исполненной в годы великих потрясений и перемен, можно рассматривать как один из примеров реальной связи живописи собора с идеями опричных преобразований.

Отголоски ожесточенной борьбы Ивана Грозного за утверждение самодержавия, пожалуй, наиболее отчетливо слышатся в сохранившихся с XVI в. росписях усыпальницы Грозного (в так называемом дяконнике собора).⁵³ Особый интерес представляет изучение их литературной основы (здесь иллюстрированы, например, притча о богатом и бедном Лазаре, житие Уара, Клеопатры и Иоанна), но это входит в задачи специальной работы. Вспомним лишь о двух слитных воедино композициях, которые, как нам кажется, непосредственно связаны с литературой грозненского времени. Это картина, напоминающая летописный рассказ о смерти Василия III («Прощание князя с семьей»), и изображение суда неправедного, символизирующего пагубное правление бояр при юном Иване IV.⁵⁴ Воспоминания об этом периоде были тягостны не только для царя. Они долго были живы в различных слоях общества. Известно, например, какое смятение и борьбу вызвала в придворных кругах лишь угроза возможного повторения подобной политической ситуации в 1553 г. Изображения в грозненской усыпальнице близки не только к высказываниям Ивана IV об этом тяжком безвременьи на Стоглавом соборе или в полемике с Курбским. Они отражают официальную литературную версию о событиях 30—40-х годов и, пожалуй, особенно тесно связаны с Повестью о московском пожаре 1547 г., созданной по заказу митрополита Макария и ставшей потом одним из источников при составлении «Степенной книги».⁵⁵ Кисть художника как бы вторит слову обличителя нестроений. Здесь, как и в Повести, «бояре и вельможи вси видяще самодержьца наследника царствию юна суща и яко благополучно и самовластно себе время видяще и изволиша собрать себе множество имения, . . . и нача в них быти самолюбие и неправда. . . и воздвигоша крамолу велию, желая себе властолюбия».⁵⁶

Одним из существенных свидетельств несомненной связи живописи Архангельского собора с древнерусской литературой служит включение в схему росписей героев таких известных тогда произведений, как Повести о Константине Муромском и его чадах, о Меркурии Смоленском, о Петре царевиче Ордынском, о Петре и Февронии Муромских, причем для авторов стенописи они, как правило, не представляли собой отвлеченные образы далекого прошлого. Например, память о Петре и Февронии Муромских составляла предмет особой заботы царя Ивана, особенно в связи с взятием Казани.⁵⁷ Вполне вероятно, что представленный в Повести об-

⁵² А. А. Зимин Опричнина Ивана Грозного, стр. 119—120.

⁵³ Подробнее об этом см.: Е. С. Сизов. Датировка росписей. . . , стр. 167—170.

⁵⁴ Там же, стр. 168—170.

⁵⁵ А. А. Зимин. И. С. Пересветов и его современники. М., 1958, стр. 86, 91.

⁵⁶ Там же, стр. 90.

⁵⁷ ПСРА, т. XIII, ч 2, стр. 489.